
Я не буду твоей победой,
И бедой я твоей не стану.
Я уйду от тебя воспетой,
А ты снова прильнёшь к стакану.

Под салюты и вой сирены
Мирозданья разверзлись бреши.
Я уйду, а ты вскроешь вены,
Когда новый рассвет забрезжит.

Только утром опять распяты
На постели с тобой. И сила
Твоя с привкусом сна и мяты
В небеса меня возносила.

Я б ушла, но дурман под кожей
Разливают твои объятья
До бессилия нервной дрожи,
Когда рвёшь дорогое платье.

Я б ушла, но твоя тугая
Напряжённая болью вена
так пульсирует, что смиренно
перед тобой я лежу нагая.

Венок сонетов

1.

Я, ложный крест взвалив на спину,
Согбённый тяжестью к земле,
Уж в землю врос наполовину,
И новый шаг даётся мне

Труднее прежнего. Отныне
Мне сбросить крест не суждено.
В угоду собственной гордыни
Забыл я истины зерно.

Куда идти? Пути не знаю.
Уже объявлен приговор,
И черти плешь мою терзают.

Но ангелов яви мне хор,
О, Небо, Чудо соверши!
Иду, не чувствуя Души!

2.

Иду, не чувствуя, Души,
И Дантов Ад прохладой веет.
О, Небо, я бы не грешил,
Когда б Душа была б светлее!

И во плоти томилась пленной.
А я б её на части рвал.
Ведь я всю злобу во Вселенной
Тайком тянул к себе в подвал.

Где Мироздания меркнут Лики,
И боги древние мертвы.
Меня по имени окликни,

Я обернусь в сырую глину,
Прильну среди зарослей травы
К сырой могиле. В ней я сгину!

3.

К сырой могиле, в ней я сгину,
За шагом сделав новый шаг,
Я прошлое своё отрину,
Предчувствуя холодный мрак.

Не стоит утешать мольбою
Души низвергнутой моей.
Я примирился бы с судьбою
Пропасть среди глины и камней,

Но есть ведь шансы на спасенье,
Презумпция моих грехов!
И спасший сына в Воскресенье

Избавит от земных оков,
Воздаст прощенье для души
Среди безмолвия глуши.

4.

Среди безмолвия глуши,
Где птица видит сон зловещий,
Где мрак крошечный нерушим,
Явились мне такие вещи, -

Я их не видеть был бы рад!
Но как живому в назиданье,
Прошёл покойников парад
Из трещин узких Мироздания!

Я шёл за ними и гадал,
Коль уведут меня иные,
Кому достанется подвал,

Где стонут призраки немые,
Мной заключённые в темницы -
Здесь не вспорхнёт седая птица.

5.

Здесь не вспорхнёт седая птица,
Покоясь в гулкой тишине.
Я вряд ли мог бы насладиться,
Услышав пение извне.

Один я! Сплин у сердца воет,
Волчица серые глаза
Навеки тихим сном накроет,
Чтобы совесть грустью не терзать.

И упадут с небес и в бездну,
Дождём пролившись, облака.
А с ними вместе я исчезну.

Когда бы Душа была б легка,
Над плотью б я вспорхнул своей -
С замшелых д'убовых ветвей.

6.
С замшелых д'убовых ветвей
Моя Душа за мной следила,
Пока я шёл один среди змей,
И всё вренуться норовила.

А змеи ползали у ног
И обвивали за лодыжки.
Впустил бы Душу, если бы смог
Из чрева вытряхнуть излишки,

С хребта свалить тяжёлый крест.
Тащить его иссякли силы.
Но он один стоит, как перст,

И украшает свод могилы!
Здесь жизни кончились страницы,
И не придёт вдова молиться.

7.
И не придёт вдова молиться,

Без имени я в землю лёг.
Лишь одинокая волчица
Войдёт в последний мой чертог.

За ней скользнёт громадный ворон.
Он когти точит о гранит
Креста. И когти эти в пору
Душе, что праведность хранит.

Никто меня не потревожит
Там за кладбищенской стеной.
Когда б на век я был моложе,

Больной не мучился б спиной.
О, Небо, ты не охладей
К могиле брошенной моей.

8.
К могиле брошенной моей
Придут однажды пилигримы.
Мимо святыниц и церквей
Пройдут. Шаги не уловимы.

Среди погоста разожгут
Своё языческое пламя,
И неба выглянет лоскут,
Воскреснет из чертогов память!

Когда б Душа моя воскресла,
Вернувшись к Богу под крыло,
Где ей давно согрето место,

Отринув прах и барахло,
Пустая плоть в забвеньи б гнила -
В забвеньи страшная есть сила!

9.
В забвеньи страшная есть сила -
Чем меньше в памяти храним,

Тем меньше лишнего носила б
Душа. И ярче был бы нимб.

Но так устроено сознание,
Что тянет лишнее на горб
Душе казённой в наказанье,
К земле тянула ноша чтоб!

Ярмо жгутом стянуло крылья!
Живи, преодолевая страх,
Волчицей будь большой и сильной,

И чёрным вороном во снах!
Мы умираем без следа,
Уходим в Лету навсегда.

10.
Уходим в Лету навсегда.
За нами, водами смыкаясь,
Бегут безликие года.
Я, вновь от жизни отрекаясь,

Ташу упрямо свою ношу,
Как будто нет других забот.
Но вот и крест небрежно брошен
Мечтами преданный за борт.

А там его подхватят черти
И установят на погост,
Явившись мне за час до смерти,

Меня померят в полный рост.
Вдруг тишина меня сморила...
Вот крест! Вот я! И вот могила!

11.
Вот крест! Вот я! И вот могила!
По росту гроб на самом дне.
Он ждёт меня. И смерть ходила

Словно скользила по струне.

Лились вокруг печали звуки.
И Смерть из едкого тумана
Костлявые тянула руки
К моим надорванным карманам.

Гроши просила за прощенье,
И на прощанье у креста
Желал я злобно отмщенья

За то, что плоть моя пуста...
И зарастает лебеда.
А память - мутная вода.

12.
А память - мутная вода,
Не удержать, сбежит сквозь
пальцы.
Поэта нищего страда
И мысли - бранные скитальцы.

На полках старых стеллажей
Пылятся жёлтые талмуды.
Поэт потерян среди мужей
учёных, вечным сном опутан.

А мысли воле вопреки
Гудят в утробе Мирозданья.
Я их транслировал "с руки" -

Стихи без рифмы и названья.
Увы, не мною жребий брошен -
Тяжёл мой крест - чужая ноша.

13.
Тяжёл мой крест - чужая ноша.
В больной роятся голове,
И по ночам меня тревожа,

Приходят призраки ко мне -

Поэты прошлого, сгорая,
В ночи, и в памяти моей.
Не возвращаются из Рая,
А лишь из Царствия теней.

Долой тщеславие и лесть!
В небесный храм ищу дорогу.
Я верю, шанс один лишь есть!

Я верен правильному слогу,
Не признаю в стихах дебоша -
Не грешник я, и не святоша!

14.

Не грешник я, и не святоша -
Поэты не горят в Аду.
Душа лишь мучаясь, истошно
Кричала, бедная, в бреду.

Я рвал ей от ветхой плоти,
Живьём распарывал узлы.
Я умирал, но я был против,
Не отомщённым был и злым!

Не предавай меня забвенью
И не терзай меня огнём.
Поэт умрёт в одно мгновенье,

Когда забудут все о нём.
И навсегда тебя покину
Я, ложный крест взвалив на спину.

15.

Я, ложный крест взвалив на спину,
иду, не чувствуя души,
к сырой могиле. В ней я сгину
среди безмолвия глуши.

Здесь не вспорхнёт седая птица
с замшелых 'дубовых ветвей.
И не придёт вдова молиться
к могиле брошенной моей.

В забвеньи страшная есть сила -
уходим в Лету навсегда!
Вот крест! Вот я! И вот могила!

А память - мутная вода!
Тяжёл мой крест - чужая ноша,
не грешник я, и не святоша!

В выдохе море плещется

В моём безголосом выдохе
море лиловое плещется,
можешь со мной утешиться,
в моём безголосом выдохе
лилового моря бездной...
Была любовь безвозмездной,
стала тяжёлым золотом,
и к наковальне молотом
тянет. В беззвучном выдохе
душу обратно выдохни!
Перековать запястья,
чтоб было больше счастья,
сердце дороже золота,
бейся, пока ты молодо!
В выдохе плещется море.
Море моих надежд...

Петляет след

Над тобой горит не моя звезда,
В твоём тихом доме не мой уют.
Между нашими берегами - вода.
Вражда!
Враг твой - волк мой жесток и лют!

Между нами теперь пустота зимы,
И зловещий холод сковал. Скандал!
Между нашими берегами - лёд.
Полыньи,
Словно в бедную душу мою
портал!

Ты ко мне в снегу не ищи тропы,
Пусть твой волос, как снег, сед.
Одинаковые вокруг дубы
И волчий петляет след.

Утренняя пыль

Сквозь тайну штор вбежало утро,
И вовлекло в весёлый бег
Пылинок матовую пудру,
что притаились на ночлег
На тёмной плоскости комода,
На бирюзовых простынях,
Забыла о которых мода,
Принтами чьи-то сны пьяня.
И шерстяное одеяло,
Подбросив старой пыли горсть,
Лавандовый пучок объяло,
В шкафу на полку улеглось.
Добавит пыль в жильё уюта.
Смотри, как воздух засиял!
Здесь вечность проживает будто
В шкафу среди наших одеял.

Клён горит

Клён горит, а с ним и осень
Пеплом стелется у ног.
Улетают в неба просинь
Птицы строго на восток.

Осень словно небылица,
Сказкой полон тихий лес.
И мелькают в небе лица
Лун бегущих. Под навес

Леса, ветрами гонимый,
Октября последний день
Спрятался, неуловимый,
Словно огненный олень.

Ноябрю пути открыты!
И от ветра старый клён
Прячет алые ланиты,
Словно солнцем опалён.

Голоса затихли птичьи,
Лес уснул и ждёт зимы.
В удаляющемся кличе
За далёкие холмы

Разнеслась последней песней
Журавлиная тоска.
Дух взметнулся бестелесный,
Старый клён качнув слегка.

Там, где блеснула крови медь
Я счастлив был, влача к закату
Свой бранный мир, свой мрачный
ад.

На картах мне раскинул Фатум,
Как крылья ангелов шуршат.

Как входит свет в святые хоры,
И пенье тысяч голосов
Перекрывает брань и споры
Земных царей и стоны вдов.

Увидел я сады Эдема,
Но от меня укрыт был путь,
А значит не пришло то время,
В Раю спокойно отдохнуть.

Дадут прощенье за отвагу,
Высокой заплачу ценой.
Я родине давал присягу,
Пришла пора закрыть собой

Войною созданные бреши,
Ради родных, которых нет.
Прости, Господь, я стар и грешен,
Висками и душою сед.

Ты не дразни меня мечтами!
Страшнее ада - близких смерть.

Я Рай втоптал в грязь сапогами,
Там, где блеснула крови медь!

Вечный май

Я для жизни не создан такой,
Не к тому я полвека стремился.
Лишь вчера я - всемирный герой,
А сегодня в тюрьме очутился.

Смертник я! Огласи приговор,
Не томи моё брнное тело!
По команде стреляют в упор,
И все скажут - расстрелян за дело!

Под присягой священной любви
И под страхом разлуки и смерти,
Вечный май, сердцу чудо яви,
Пока солнце в окно моё светит...

Хоть на плаху, хоть к чёрту пойду,
Ради глаз голубых и любимых.
Вечный май, отведи лишь беду
От родных, когда лягу в могилу!

Косы я заплету до пояса
И галопом по людной площади
На гнедой ошалелой лошади,
Повторяя молитвы вполголоса.

Кровь ложится на круп узорами,
И на грязное моё рубище.
Мне не видеть бы взглядом
любящих
И крестов над святыми соборами.

Я в неравном бою со временем
Против мира. Беглец из прошлого.
Мимо храма, травой заросшего

Проношусь на кровавом демоне.

Следом искры летят. Безмолвие
Правит в храмах. Людьями забытые
Алтари, образа сердитые
Воспитали в нас хладнокровие.

Со спины

Полночное небо - ни звезд, ни
луны.
Я выдумал горы, что в дымке
видны,
Я выдумал ветер над шапокой
лесной,
И тонкий твой стан, что повёрнут
спиной.

Безлунная ночь замыкает кольцом
Фонарь. Он стоит несмышлёным
юнцом
В густой темноте, где ни звезд, ни
луны,
И я подбираюсь к тебе со спины.

Я тоже юнец, как беспечный
фонарь,
Что свет возложил на асфальта
алтарь!
Тяжёлой печатью лежит тишина
На наших губах. И ночь холодна.

Октября засушливого нотки
В купаже отцветших летних трав,
Не показывая северный свой нрав,
Разносил повсюду ветер кроткий.

А в прозрачном небе пели струны,
Словно в око космоса взглянул,

Во Вселенной встав на караул,
Где планеты далеки, но так же
юны.

На Земле меняются сезоны,
По спирали мчится этот мир.
Среди звезд чужих и Чёрных дыр
Кружатся планеты нашей клоны.

Я один, бессонницей пленённый,
В тишине полночной у окна,
Там, где даль видением полна,
Вижу смысл жизни потаённый.

Чем ближе к свету, тем глубже
тени,
Чернее тени, и за спиной
Танцуют черти, за час до смерти
Из этой тени пришли за мной!

Могильный холод затылком чую.
Чем ярче солнце, тем глубже тень!
Ты не изменишь судьбу чужую,
Хоть рясу чёрную под ремень

Наденешь. Тяжесть в землю
тянет,
А под землёй света вовсе нет!
А под землёй только грязь и
камень,
И разложением гроб прогрет.

Я не останусь вечно молодой,
И для тебя, увы, не буду прежней.
Но, утоляя сердце пустотой,
Я верю в то, что участь неизбежна.

Земная жизнь, как эхо небылиц,
Как отзвук грома в небе уже
чистом,
Как в спящем доме стоны половиц,
Тигриный след в снегу ещё
пушистом.

Минувших лет на лбу высоком сети
Скрывает вновь копна густых
волос.

Никто из нас за возраст не в ответе,
За то, что сердце пашет на износ.

Я найду, дорогой, кем тебя до утра
заменить,

Под раскаты грозы, или белые
вальсы снегов.

Я найду, дорогой, с кем ненастья и
боль пережить,

Отплатить за любовь, пока ты у
чужих берегов.

Я найду сто причин, чтоб тебя
побольней привязать,

Приручить, обрекая на вечные
муки вины.

Я найду сто причин, чтоб твоя
богатырская стать

Испарилась совсем, и раскаяньем
взгляды полны.

Свет души возложу на закланье
жестоким богам,

Что тебя увели под покровом
бездонных ночей.

С сердцем полным вины отпускаю
к чужим берегам,

Но чтоб путь осветить, у меня не
осталось свечей!

Лишь огарки мечты, до утра ещё
пара часов,

Пара капель огня, и на сердце
глубокий ожог.

Отпущу я тебя, но по следу
голодных псов

натравлю, чтоб вернуться ты
больше не смог!

Потеря

Мои рукава - уставшие крылья,
за нищей душой ни мечты, ни
гроша.

Когда о тебе наконец-то забыл я,
ты снова ко мне среди ночи
пришла!

Тебя выдаёт в полумраке смятенье,

-

горит прихотливый румянца ожог.

Но ты лишь моё неземное виденье,
и в пропасть беспечной пантеры
прыжок!

Устал от бессониц, и сам я не верю
ни сердцу, ни глазу, ни пальцам
своим.

Вернуть не поможет нам полночь
потерю,

когда мы и сами того не хотим.

Беск мищуры

Суетных дней весёлые забавы

уж моего не вызывают интереса.

Меняет жизнь людей, меняет
нравы,

а ты всё тот же легкомысленный
повеса.

Проходит жизнь, зима на горизонте
припорошила вдалеке холмы
снегами.

Проходит лето, осень на излёте,
И больше мудрости становится с
годами.

Вокруг тебя лишь образы иллюзий,
и мишуры блеск яркий и игривый
Слепит глаза. Но жизнь тебя
укусит,
останутся лишь гнойные нарывы.

Химеры

Не лезь в мою душу, там ложь и
химеры,
Травм детских осколки и ран не
заживших
Кровавые метки. И призраки серы
Друзей, и любимых доселе
почивших.

Октябрь с отсылкой к ушедшим
минутам
Напросится снова в мой дом на
поминки.
Войдёт, и спокойствием душу
окутав,
Сойдётся с печалью моей в
поединке.

В агонии бьются последние листья,
Устлав все тропинки багровым и
алым,
Следы заметая у двери по-лисьи,
Проникнет и осень в мой дом
карнавалом.

И будто Она вдруг закроет
границы,
Оставив в удушливом прошлом все
мысли.
В альбоме пустеют знакомых
глазницы,

И мыши каптал безвозвратно
погрызли.

Всё самое грустное в осени алой,
Как отзвук печали, смиренья
потоки,
И призрак любви, что в груди
изнывала,
Познав, как и люди бывают
жестоки.

Наедине с природой

Опять дорога лентой влажной
зовёт нас в дальние края.
Там кедров древние на страже
загадки прошлого хранят,
среди камней, покрытых мхами
где речки чистые до дна
водой делились щедро с нами,
и ночь таинственно темна.

Там нет тропинок среди елей
и человеку места нет.
А между ними нежно стелет
туман, рассеив лунный свет.
Мы в этот храм войдём не звано,
и голову склонив к земле
в тайге приморской первозданной
побудем с ней наедине.

В поезде

В железной душевной колыбели
Никто не спит под стук колёс!
Ведут нас вдаль две параллели
Их незначителен износ.

Скрипят в ночной тиши вагоны,
А впереди локомотив
Неисчисляемые тонны

Несёт среди бескрайних нив.

Я у окна сижу, зеваю,
Не спится мне, а за окном
Я вечер летний наблюдаю
Словно в Эдеме, но земном.

Поля, ночной отдавшись скорби,
Цикадой сладостно поют.
И горизонт над ними горбит,
Создав для облака приют

Свою изрезанную спину
Артериями горных рек.
И месяц влез наполовину
На гору, будто на ночлег.

Плывёт тумана покрывало,
Спустились в поле облака.
А запад выделился алым,
И звёзды дрогнули слегка.

Под металлические лязги
Я провожаю этот день,
Бегут вагоны в тесной связке,
И на поля бросают тень!

Одиночество – Осень

Я рассыплюсь осенней листвою,
Ароматной, шуршашей шагами
Не твоими. Но сердце открою
Лишь тебе я вином и стихами.

Мы когда-то бродили по лесу,
На берёзах блестели короны.
Осень сдёрнула лета завесу,
Перекрасив зелёные кроны.

В сердце осень заметна по взору
Одинокому, полному грусти.
Мы с тобой, повинуюсь раздору,

Нашу лучшую осень упустим.

Наша лучшая осень зардела
Вновь вином и немного стихами.
Я ведь так же когда-то робела,
Одиночество смерив шагами...

Одиночество смерив разлукой,
Рассыпалась кровавой листвою.
Осень входит в грудину без стука,
И хозяйничает тобою.

На Рождество

Моё сердце - гранатовый пудинг...
Моя память - не выпавший снег!
По бокалу, и здравы мы будем,
Лишь зима к нам зайдёт на ночлег.

Лишь зима! Снег невидим
повсюду,
Он прозрачен, и призрачен он.
Ты уснула, я мою посуду,
Наслаждаясь прокисшим вином...

Ты уснула. А как же Сочельник?
Кофе крепкий себе завари.
Сядем рядом в волшебном
свеченьи,
У камина. Лишь жгут фонари

На паркете круги золотые,
Разбавляя таинственный плен
Тихой ночи. И плачут святые
В моём сердце, не знавшем измен!

Ты раздели

Ты раздели со мной свою печаль,
По-братски, поровну, как разделил
бы кров,

Чтобы сошла с лица её печать,
И с сердца сгинул траурный
покров.

Ты раздели со мной унынье, друг,
Тревоги, что сгущаются под час,
В тиски хватая душу, как недуг,
И с верного пути сбивая нас.

Ты раздели со мной земной очаг,
Чтобы в объятья вечные замкнуть.
Он отразится искрами в очах,
И вновь любовь войдёт с больную
грудь!

Семенами легли под ноги мы

Рассорились с тобой, рассорились,
повинуясь судьбы ветрам.
Много лет мы зря вместе строили,
наш священный семейный храм.

Растрепали нас ветры южные,
что в юдоль принесли дожди.
Лица временем отутюжены,
и обида на них лежит,

словно тень. Но легко до боли мне,
эту боль в груди берегу.
Мы жестокий урок усвоили,
но взошли на одном лугу.

Семенами легли под ноги мы,
проросли лебедой среди льна!
Была я очарована многими,
но осталась тебе верна!

Теперь в сыне твои очертания
вижу я, будто рядом ты!
Не придумаешь наказания
строже - видеть твои черты!

Каждый день я с утра до полночи,
так тревожусь, что бьёт озноб.
Словно капельки едкой щёлочи
слёзы капчут в дубовый гроб.

В твоей жизни меня безумнее
не предвидеться! Я одна!
Ты останешься ночи лунные
коротать на лугу среди льна.

Стану я для тебя забвением,
сына вырастишь, как должно!
В это пасмурное воскресенье
на могильное лягу дно!

Юности порыв

Нам не вернуть ни юности победы,
Ни волшебство студенческой поры.
Мы у костра закутывались в пледы
И устремляли к небу свой порыв.

Любили мы с надрывом, полной
грудью
Дышали, будто дышим в первый
раз.
Мечтали мы сломать стальные
прутья,
Выпячивая силу на показ.

Беспечно юность тает, и с годами
Мы понимаем, в чём залог весны.
Но наша память так жестока с
нами,
Что раздирает нас из глубины.

И поздно думать, раз пришло
похмелье,
О пустоте потерянного дня.
Пусть процветает в мире

виноделье,
Моё былое, не коснись меня!

Спешка

Достала этой жизни спешка,
Везде пытаемся успеть!
И в каждодневных перебежках
Мы словно попадаем в сеть
В пустую прожитых мгновений!
Остановись! Передохни!
Взгляни, кружится лист осенний,
Короче стали дни...
Как лето кончилось дождями,
Ты не заметил. Ты спешил.
Я у окна стою в пижаме...
А ты же спишь, лишённый сил...

Осень вернулась домой

Август закончился пьяный и
душный
Ржавой рябиной и алым костром,
И поцелуй нам оставив воздушный,
В воздухе он растворился сыром...

Пахнет сентябрь калиной и мятой,
Мёдом последнем и прелой
листвой.

Словно туманом, грустью объята,
Осень вернулась домой.

В городе сыро

В городе сыро, холодно,
улицы бьёт озноб.
Я у скалы расколотой
горной рекою в лоб
прячусь от мерзкой сырости.
Хочется мне порой
гор выше ростом вырасти,
высится над рекой!
Чтобы река прохладная

вилась змеёй у ног!
Будто тайги парадная
мой золотой чертог.
Буду стоять столетия,
в городе позабыв
августа жаркие плети я,
волн солёных прилив.
В городе сыро, холодно,
город до дна промёрз!
Сыпет таёжным золотом
в горную реку утёс.

Детское

Оса на носу

Причудливо морща носик,
Бежит по дорожке пёсик,
Смотрите, на пёсий нос
Сел полосатый ос!
Вот жало уже наготове –
Понятно тут даже корове,
Что так не приятно псу,
Когда оса на носу.

Коты не боятся

Мне сказали, что коты
не боятся темноты,
и снуют, задрвав хвосты,
пока люди видят сны
всё по кухонным столам,
вдруг съестное что-то там
мы оставили котам.

Кот найдёт и сразу – АМ!

**

Мне сказали, что коты
Не боятся высоты.
И летят, задрвав хвосты,
С небывалой высоты!

Колыбельная для Лизы

Мишка по лесу идёт,

Лизу за руку ведёт,
Кашой девочку накормит,
Колыбельную споёт.
Спать положит в колыбель
Под дубок или под ель.
Мишка Лизоньку качает,
Наша дочка засыпает.

Люди, возьмите кошку
Грустно, когда тебя бросили,
Но хуже, когда предали.
От этой холодной осени
Много будет вреда ли?

И всё вокруг понарошку,
В небе бормочут тучи.
Люди, возьмите кошку,
С вами ей будет лучше.

Люди, щенка возьмите!
Кто-то его подбросил.
Мёрзнет малыш на граните
В эту холодную осень!

Забияка
На каникулы к бабуле
отвезли меня в июле.
А в деревне зной да мошки,
и бродячие три кошки.
Во дворе живёт собака,
она злая забияка!
Хвост колечком свёрнут туго.
Со двора бегу с испугом,
пёс за мной истошно лая,
и цепочка вдоль сарая.
Видит бабушка картину –
завалился пёс на спину.
Я его прогнал метлой:
– Не такой уж он и злой!

И с тех пор с собой метлу
я во двор всегда беру.

Вяжет бабушка носки
Вяжет бабушка носки.
Вяжет и смеётся,
Петли, кольца, завитки,
Солнышко в оконца.
За петлёй бежит петля,
В поле из ромашек!
Будет трон у короля,
И компот из чашек!
Будет внук носить носки,
Радость у бабули!
Петли, кольца, завитки
И жара в июле!

Дед Длиннобород
Дед Длиннобород
Пошёл через речку в брод.
На поясе в туеске,
Найденный рядом в леске

Галчонок сидит храмой.
Несёт его дед домой.
А дома уха и мёд,
И пёс у калитки ждёт.

Дед Длиннобород
Галчонка домой несёт,
А там в домашнем тепле
Ушиб заживёт на крыле.

Над мостом снежок кружится,
Под мостом бежит водица.
Эй, водица, не беги,
Не укрыться от пурги.

Скоро к нам мороз придёт,
Он тебя оденет в лёд.
И перин настелет чистых,
Чтоб спала ты сном лучистым!

Воздушный шар

Летит на воздушном шаре
Комарик к своей Тамаре.
Летит он и день, и два,
Успел до зари едва!
Тамара Комарика ждёт.
С ней котик – пушистый живот,
И пёсик – кусака и плут
Тоже комарика ждут!

Вдруг в двери послышался стук:
– Ну здравствуй, мой старый друг!
Эй, котик, скорее беги,
На стол выставляй пироги!
А, пёсик, заваривай чай,
И дальнего гостя встречай!
Вот сели за стол друзья,
Закончилась сказка моя!

– А как же воздушный шар?
Спросил у меня Макар!
Когда разгрузили багаж,
Шар унесли в гараж!

Зоопарк

Здравствуй, Мишка! Здравствуй,
Слон!
Я сегодня с вами
Поздороваться пришёл
В голубой панаме!

Крокодил лежит в пруду.
Он сегодня добрый,

Потому что в чехарду
Поиграл у кобры!

Дальше с мамой мы идём
Мимо клетки с тигром,
А за ним вольер со львом!
С ним опасны игры!

Вот жираф язык свой синий
Протянул та-ак далеко!
Мама мне: – Не будь розиней,
А то слижет целиком!

Журавли, фламинго, совы
Лебеди и страус,
Не видал нигде такого –
Крылья будто парус!

Здесь зверей конечно много,
Звери разные на вид!
Даже спрутоосминога
Показал нам с мамой гид!

Ну и долгий был денёк,
Убедились сами!
К маме на плечо прилёт
И уснул. В панаме!

Шапка

На крючке висела шапка,
она рыжая, как кот,
что достать пытался лапкой
эту шапку! Только вот

высоко она висела,
не допрыгнуть, не достать!
Шапка спрятаться хотела
и всех сверху наблюдать!

Думал кот, что это кто-то
затаился наверху!

Хвостик рыжего енота
или кролик на меху?

Или это неизвестный,
тот, чьи запахи везде,
он и курточку повесил
рядом с шапкой на гвозде!

Что за гость приехал в гости?
Он останется здесь жить?
Почему тогда без спроса,
Будто так должно и быть
сапоги в углу поставил,
и кота потискал вдруг!
Это к нам приехал Павел,
нашей бабушки он внук!

Кошка ищет дом

Кошка ищет дом, устала
от усов и до хвоста.
В тёмных замкнутых кварталах
словно в клетке заперта.

Кошка бедная не ела
много дней, бродила всё.
Но кому какое дело,
что и ей нужно жильё.

Я возьму её, пожалуй,
буду другой, и вдвоём
мы под крышей обветшалай
славно с кошкой заживём.

Мышки-пышки

Мышки-пышки надели штанишки,
Но штанишки вдруг стали малы.
Ели мышки блины и коврижки,

Не отказывались от халвы.

Ели мышки конфеты и булки,
Плюшки, пряники, пирожки,
Ели до и после прогулки,
И раздулись у мышек брюшки.

Не вмещается пузо в штанишки!
– Ты нам новые, мамочка, сшей, –
Просят толстые мышки-глупышки!
Только котики любят мышей!

Кошки любят, чтоб шубка
лоснилась,
Чтоб мышенок упитанным был.
И однажды мышатам приснилось,
Будто кот с ними рядышком жил.

Стали мышки от страха зарядку
Делать каждое утро, и вот
К норке вдруг подкрался украдкой
Серой масти бродячий кот!

Мышки бросились все
врассыпную:
– Ты попробуй сперва догони!
И охотился котик впустую,
Слишком ловкими были они!

.....
.....

Последний августовский дождь

В мой светлый дом опять пришла
тревога,
то дождь последний августовский
был.
Он пробежал, карниз слегка

потрогал,
оставив осени магический посыл.

Прохладой вечер дышит в наши
окна,
лес остывающий листвою
шелестит,
и расползается на влажные волокна
дождём пропитанный небесный
антрацит.

А к полночи нагрянут в небо
звёзды,
луны прокатится над лесом яркой
диск.
Благоуханна ночь, шумят берёзы,
и август отцветает пьяный вдрызг.

Душа искала кров

В уставшем городе, где всё давно
знакомо,
Я уловила аромат густых лесов.
В уставшем городе, где горизонт
изломан
Рельефом крыш, душа искала кров.

В уставшем городе мной небо не
любимо,
Оно пустое - ни одной звезды.
Моей душе здесь находиться
нестерпимо,
Измученная жаждой высоты

Она, как все, опустит свои крылья,
В уставшем городе, где нет давно
лесов.
Бредёт за мной. И не считаю миль
я,
Что мы прошли... Душа искала
кров.

.....

А давай убежим

В старом городе только туман и
тревоги
бередят мою душу запоем... Но мне
надышаться бы лесом и пылью с
дороги,
тёплым морем и жаром прибрежных
камней.

Ночевать под луной, слушать птички
рулады,
стрекотанье цикад, что, как лес,
далеки
и прибой раскат. Метеоров глассады
наблюдать над чернеющей шапкой
тайги.

А давай убежим! Что нас в городе
держит?
Сердце сжалось до боли в кровавый
комоч!
Котелок взяв с собой, и тёплой
одежды
надышаться свободы бы впрок.

Косы ниже пояса

Мне не пишут хвалебных отзывов,
не поют серенад под окнами.
В моих локонах огненно-бронзовых
пляшут ленты узлами плотными.

Ниже пояса косы тянутся
до земли тяжёлыми тросами.
Они может любому глянутся,
только стоит ли хвастаться косами?

Нынче в моде другие ценности,
кос не носят уж с века прошлого.
А душа в обыденной брэнности
стала в теле сухой горошиной.

Я не лести красивой пленница,
гордецов не считаю друзьями я.
Подожду, может мода изменится,
и длиннее станет коса моя!

Был мой предок земледельцем

Пьяный ветер бился в ставни,
Бился, чтобы их разбить.
Кто тебя любить заставил
Речки тоненькую нить?

Неба купол безнадежный,
поля замкнутый ковёр!
Ветер глажу осторожно
под покровом старых штор.

Всё вместила бы я в сердце!
Взор касается лесов!
Был мой предок земледельцем,
землю понимал без слов!

Оставляет труд мозоли,
и порой невыносим.
Приручить себя позволил
ветер за окном моим.

.....